

Владимир Кунин

Хроника пикирующего
бомбардировщика

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Хроника пикирующего бомбардировщика

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7154525

Хроника пикирующего бомбардировщика: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-3490-0

Аннотация

В повести «Хроника пикирующего бомбардировщика» Владимир Кунин раскрывает тему войны. Экипаж бомбардировщика Пе-2 – молодые, талантливые ребята. Выполняя боевое задание, они находят секретный немецкий аэродром и ценой собственной жизни уничтожают три десятка истребителей.

Содержание

Пролог	5
День первый	8
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Владимир Кунин

Хроника пикирующего бомбардировщика

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

*Да, сделали все, что могли мы,
Кто мог, сколько мог и как мог.
И были мы солнцем палимы,
И шли мы по сотням дорог.
Да, каждый был ранен, контужен,
А каждый четвертый – убит,
И лично Отечеству нужен,
И лично не будет забыт.*

Борис Слуцкий

Пролог

Моросит мелкий дождь. Он прижимает к земле редкую степную траву и собирается в рябые лужицы...

Рядом с молодым леском на небольшом полевом аэродроме группами по три-четыре самолета стоят бомбардировщики Пе-2. Вдалеке виднеются оставшиеся от мирного времени колхозные бараки и наспех вырытые землянки.

Несмотря на плохую погоду, машины облеплены техниками, механиками и мотористами. Они копаются в моторах, чистят, латают, приводят в порядок боевые машины под аккомпанемент самых обычных звуков удивительно мирного ремонта. Нервно визжат ручные дрели, хрипят напильники, лязгают гаечные ключи. Где-то пробуют завести двигатель. Он то взрывается большими оборотами, то выстреливает выхлопными патрубками, то зачихает и вовсе заглохнет. И опять все сначала...

Чей-то спокойный голос говорит:

– Четвертый день идет дождь...

– Полетов нет, и слава богу... Каникулы, – говорит другой голос.

– Правда, раз в сутки кто-нибудь вылетает на разведку, но это всего лишь один экипаж, а весь полк сидит и развлекает себя как может, – говорит голос третьего.

А вот и бомбардировщик с хвостовым номером 115.

У самолета возле шасси, нагнувшись, стоит человек в комбинезоне. Неподалеку от него на стремянке работает молодой моторист.

– Наша машинка... – говорит первый голос.

– Пикирующий бомбардировщик Пе-2, – говорит второй.

– «Пешка», – говорит третий.

Тот, что у шасси, выпрямляется. Это пожилой человек с озабоченной физиономией.

– А это наш отец и благодетель – младший техник-лейтенант Кузмичов...

– А проще – Кузмич...

Кузмичов поворачивается к маленькому худенькому мотористу и что-то говорит ему. Судя по выражению лица Кузмича и виду маленького моториста, Кузмич ничего приятного тому не сказал. Маленький даже не пытается оправдываться.

– Добрейшей души человек Кузмич! – говорит первый.

– А его подопечный Осадчий – самый бестолковый моторист ВВС...

Кабина бомбардировщика. Приборная доска, кресло летчика с бронеспинкой, рога штурвала...

– Здесь сижу я – старший лейтенант Сергей Архипцев, – говорит первый голос.

В тесной кабине еще рация, пулемет и свободно движущееся глубокое сиденье.

– А здесь я – лейтенант Вениамин Гуревич, – говорит второй.

А вот наглухо отгороженная от пилотов кабина стрелка-радиста. Эта кабина не для долгих разговоров и медлительных раздумий. Здесь все очень строго, если не считать фотографии миловидной девушки на передатчике и небольшой репродукции картины Дега «Голубые танцовщицы», которая заботливо засунута за металлическую табличку-инструкцию аварийного выпуска шасси.

– Я стрелок-радист, старшина Евгений Соболевский, – говорит третий голос. – Здесь у меня радиостанция. И Лена. Это инструкция, которой никогда не придется пользоваться, а это просто Дега... Ну и, конечно, пулеметы. В общем, довольно уютно...

И опять мокрые «пешки», мотористы, механики и оружейники...

Человек шесть мотористов закончили работу и, перекинув сумки с инструментами через плечо, идут через все поле к баракам.

– А вон там, за санчастью, расположена вторая эскадрилья...

– Наш дом...

– Построенный в стиле баракко...

На фоне далекого приземистого строения медленно проползает «студебекер»...

День первый

«Студебекер» тащил большую платформу. На платформе возвышалась гора бомб в ящиках из деревянных реек.

Моросил дождь. Черные бомбы блестели сквозь белые рейки. Наверху, на бомбах, сидела команда оружейников. Пятеро парней накрылись куском брезента, хоронясь от дождя.

«Студебекер» с бомбами прополз мимо барака второй эскадрильи.

«Луч луны упал на ваш портрет...» – донеслись из барака звуки патефона.

Два молоденьких летчика расположились в углу барака возле патефона. «Луч луны упал на ваш портрет...» – грустно пел Утесов. Эта фраза повторялась много раз: один из летчиков все время ставил пластинку сначала, а второй записывал текст.

– Значит, так, – сказал в паузе тот, который пишет, – «Луч луны попал на ваш портрет, милый друг...»

– Не «попал», а «упал»!

– Ага! «Упал», значит, – пробормотал летчик.

И Утесов начал все сначала...

Посередине барака между рядами коек стоял стол, окруженный гурьбой летчиков.

Из-за стола вылез смущенный лейтенант.

– Это какой, Веня? – спросил сидящий за столом коренастый широкоплечий старший лейтенант с простоватой и умной физиономией. Это был Сергей Архипцев.

– Шестой, командир! – крикнул Гуревич, который в одних носках сидел на койке и играл на скрипке «Чижика».

– Следующий! – сказал Архипцев и ухмыльнулся.

Против него уселся здоровенный штурман Пастухов. Он осторожно взял в руку перышко.

Архипцев тоже взял перышко и со словами: «Держись, бу-гай!» – щелкнул им.

Перышко Пастухова оказалось накрытым.

– Седьмой! – крикнул Гуревич.

– Следующий, – спокойненько пригласил Архипцев.

Вокруг хохотали болельщики.

У окна в зимнем меховом комбинезоне и в шлеме, со страшно напряженной и вымокшей физиономией сидел Митька Червоненко. Он позировал расположившемуся в пяти шагах от него Женьке Соболевскому, который поставил себе на колени кусок фанеры с прикрепленным листом ватмана и быстро и уверенно рисовал Митьку.

– Я устал, Женька... – сказал Митька, не меняя все же выражения лица.

– Сиди, не крутись, – ответил Соболевский и запел: – «Луч луны попал на ваш портрет...»

– Жарко ведь, Женечка... – заныл Митька.

– Сиди, не скули... «Милый друг давно забытых лет...» –

мурлыкал Соболевский.

– Так я ничего и не говорю, – жалобно отозвался Митька. – Я же только говорю – жарко очень...

– Нечего было комбинезон зимний напяливать, пижон! Сиди, Митька, не ной. Сейчас закончу. Замри на пять минут.

Митька замер.

– Молодец, – похвалил Женька. Он внимательно всмотрелся в Митьку и, усмехнувшись, подпел Утесову: – «И на миг как будто ожил он...»

– «И на миг смешались явь и сон...» – продолжил Утесов.

...В одном из залов Русского музея Женька рисует скульптуру Антокольского. Рука его движется быстро и уверенно. Изредка он откидывается назад, прищулив глаз, смотрит на Мефистофеля, затем на рисунок, подмигивает Мефистофелю и опять рисует.

Подходит экскурсия. Люди становятся полукругом у скульптуры.

Женька и Мефистофель оказываются в центре внимания. Сюда же в полукруг входит девушка-экскурсовод.

Она не глядя берет рукой за спинку Женькиного стула и устало говорит экскурсантам:

– Прошу вас, товарищи, подходите, не задерживайтесь...

Женька с нескрываемым интересом разглядывает руку на спинке своего стула.

– Простите, пожалуйста, – смутилась девушка.

– Охотно, – улыбнулся Женька.

Экскурсанты заглядывают Женьке под руку. Женька недовольно морщится, отходит на шаг от рисунка и небрежно делает несколько штрихов карандашом. И уже совсем театрално, с невероятным фасоном приставляет к глазу кулак и профессионально разглядывает одному ему ведомые детали.

Девушка посмотрела на Женьку и улыбнулась.

Смотрит Женька сквозь кулак на Мефистофеля, переводит руку и нахально начинает рассматривать девушку.

Взгляд Женьки скользит по фигуре девушки и останавливается на ее ногах. Затем медленно возвращается к лицу.

А девушка в упор смотрит на Женьку, и тот начинает преувеличенно серьезно работать над рисунком.

– В годы пребывания в Риме и Париже, во время тяжелой болезни, – рассказывает девушка, – Антокольский обращается к темам морально-философского содержания...

Соболевский с интересом смотрит на девушку.

Но девушка демонстративно отворачивается.

Вестибюль музея. Рядом с кассами окошко с надписью: «Прием заявок на коллективные посещения музея».

У окошка стоит Женька. Он наклоняется и говорит:

– Здравствуйте! Мне нужно организовать экскурсию!..

– Меньше тридцати человек в заявке не принимается, –

говорит женщина в окошке.

– А сколько это будет стоить? – спрашивает Женька.

– Наличными или перечислением?

– Что? – не понял Женька.

– Как оплачивать будете? – раздраженно спрашивает женщина.

– А... Наличными, наличными...

– Тридцать рублей.

Женька лезет в карман, вытаскивает деньги и отсчитывает их под окошком. Собственно говоря, он не отсчитывает деньги, а пересчитывает их.

Он оставляет себе пять рублей и робко спрашивает женщину:

– А человек двадцать пять можно?

– Нет, – отвечает женщина. – Не меньше чем тридцать!

Женька вздыхает и докладывает пятерку. На секунду он задерживает руку с деньгами и говорит в окошко:

– Только нам нужен экскурсовод... этот... который... блондинка.

– Елена Дмитриевна? Ратцева?

– Да.

– Пожалуйста! От какой организации экскурсия?

– Василеостровский кооператив извозчиков!

– Ваши все здесь? – спрашивает женщина, пытаясь выглянуть.

– Наши? Все! – твердо говорит Женька и вплотную при-

двигается к окошку.

Женька стоит и крутит в руках квитанцию.

По широкой лестнице спускается Лена Ратцева. Она замечает Женьку и узнает его.

Женька читает квитанцию и со вздохом прячет ее в карман.

Лена останавливается на лестнице и, улыбнувшись, говорит Женьке:

– Товарищ, вы от кооператива извозчиков?

– Я? – растерялся на мгновение Женька. – От кооператива...

– Где же ваши люди?

– Люди?.. Дело в том... – Женька вдруг решается. – Дело в том, что люди – это я!

– Так, – сухо говорит Лена. – Позвольте вашу квитанцию. Женька показывает ей квитанцию.

Лена посмотрела и совершенно спокойно говорит:

– Ну что ж... Раз вы все в сборе, – она критически оглядывает Женьку, – мы можем начать экскурсию. Прошу вас, товарищи извозчики!

Лена поворачивается и идет вверх по широкой лестнице Русского музея. Женька плетется за ней...

– Младший лейтенант Червоненко! В штаб! С экипажем! – прокричал кто-то зычно...

Захлопнулась дверь за связным в бараке второй эскадрильи.

Червоненко вскочил со стула и стал быстро стягивать меховой комбинезон.

– Ну что, мученик? Сеанс окончен? – спросил Женька, складывая карандаши.

– Увы! – радостно ответил Червоненко.

– Ах, Веня, ты даже не представляешь себе, какой нынче натурщик слабый пошел!.. – пожаловался Соболевский Гуревичу. – И как он еще летать умудряется?!

Митька взял в руки рисунок, с удовольствием посмотрел на него и, широко улыбнувшись, сказал:

– Летать же легче, чудак! – Он с сожалением отложил рисунок, крикнул: – Короли воздуха, за мной! – И вышел из барака в сопровождении здорового Пастухова и того, который списывал текст с пластинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.